

Максим Горький

Об искусстве

Максим Горький

Об искусстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2464865

Аннотация

«Признано и установлено, что искусство слова родилось в глубокой древности из процессов труда людей. Причиной возникновения этого искусства служило стремление людей к организации трудового опыта в словесных формах, которые наиболее легко и прочно закреплялись в памяти, – в формах двустиший, «пословиц», «поговорок», трудовых лозунгов древности...»

Максим Горький

Об искусстве

1

Признано и установлено, что искусство слова родилось в глубокой древности из процессов труда людей. Причиной возникновения этого искусства служило стремление людей к организации трудового опыта в словесных формах, которые наиболее легко и прочно закреплялись в памяти, – в формах двустий, «пословиц», «поговорок», трудовых лозунгов древности. Искусство слова следовало непосредственно за трудом, в слово включались начала науки о приёмах борьбы с враждебными трудовой деятельности людей сопротивлениями природы. Несомненно, что искусство слова должно было явиться на десятки веков раньше всех первобытных религий, – на это указывает тот факт, что древние люди придавали слову магическую силу воздействия на диких зверей и на явления природы.

Рассуждая с тою логически честной прямою, которую внушает разуму честнейший его учитель и организатор – труд, мы имеем право утверждать, что уже в ту пору, когда люди научились владеть членораздельной речью, они осо-

¹ Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1935, номера 5–6, май-июнь. // В авторизованные сборники не включалось. // Печатается по тексту журнала «Наши достижения», сверенному с рукописью (Архив А. М. Горького).

знали себя наиболее мудрыми и совершенными из всех животных. Труд, огонь и речь – вот силы, которые помогли людям создать культуру – вторую природу. Речь не только явилась источником взаимопонимания и тесного общения людей первобытного коммунистического общества, – она возбуждала в людях гордость и радость успехами их труда и, конечно, отражалась на продуктивности труда.

Мы, люди Союза Социалистических Советов, ежедневно убеждаемся в том, что чем более продуктивен наш свободный труд, тем быстрее, сильнее, красивее растёт человек – самое сложное и совершенное соединение вещества, материи.

Буржуазная история культуры рисует бытие первобытных людей в непрерывном страхе и ужасе пред неведомым и непонятным, изображает человека углублённым в размышления о том, что такое сон, смерть, огонь. Это утверждение требует пересмотра и проверки, как и все другие утверждения буржуазной науки о ходе культурного развития человечества.

Древние сказки и мифы не отражают страха человека пред природой, а – наоборот, они говорят о победах людей над нею, о волшебной силе слова, способной преодолевать злые сопротивления вещества и явлений природы трудовым намерениям, процессам. Землетрясения, наводнения и вообще физические катастрофы не совершались ежедневно, и даже не каждое поколение страдало от них. Животные, не зная

человека как охотника за их мясом, не испытывают страха пред ним, «дикари» Африки, Австралии, Зеландии при первых встречах с европейцами относились к ним доверчиво и мирно.

Трагизм и ужас социального бытия явился тогда, когда люди раскололись на господ и рабов, – этот же момент был моментом возникновения религии.

Теоретиками, боготворцами, проповедниками трагизма жизни служили оторванные от коллектива единицы, они и в наши дни продолжают проповедь, оправдывающую разделение людей на господ и рабов, на грешных и праведных, на заслуживающих адавы мучения или райское блаженство. Это они придумали наивную хитренькую и унылую религию Христа, горечь которой неуклюже подслащена нищенской щепоткой примитивного коммунизма.

Люди не могли жить без радости, они умели смеяться, сочиняли весёлые песни, любили плясать. Радуюсь успехам трудов своих, они даже в религиозные церемонии жрецов вводили песни, пляски, игры, и даже мрачная, инквизиторская церковь Христова принуждена была включить в свои праздники весёлые песнопения.

И особенно много радости вносило в тяжкую, каторжную жизнь рабов искусство, а именно они, рабы, были творцами той красоты, которую мы видим на этрусских вазах, знаем по древнейшим украшениям из золота, по оружию, скульптуре, по развалинам древних храмов Египта, Греции, Мек-

сики, Перу, Индии, Китая, по средневековым соборам Европы, по восточным коврам и гобеленам Фландрии и т. д.

Кто превращал в искусство тяжкий, ежедневный труд сначала – на себя, а затем – на господ? Основоположниками искусства были гончары, кузнецы и златокузнецы, ткачихи и ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портнихи и вообще – ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи.

Что побуждало людей придавать обыденным, полезным вещам «домашней утвари», посуде, мебели прекрасные формы, яркую расцветку, затейливую резьбу, что вообще побуждало людей украшаться и украшать? Стремление к совершенству формы – биологическое стремление, в основе его лежит желание человека воспитать в себе самом гибкость и силу мускулов, лёгкость и ловкость движений, это стремление к физической культуре тела, оно особенно ярко воплощено было древними греками в непревзойдённых образцах их скульптуры. Люди знают, что здоровью сопутствует полнота ощущения радостей жизни; людям, работающим над изменением вещества, материи и условий жизни, доступна величайшая из радостей – радость творцов нового, необыкновенного.

Люди любят мелодически организованные звуки, яркие краски, любят делать окружающее их лучше, праздничнее, чем оно есть. Искусство ставит своей целью преувеличивать

хорошее, чтоб оно стало ещё лучше, преувеличивать плохое – враждебное человеку, уродующее его, – чтоб оно возбуждало отвращение, зажигало волю уничтожить постыдные мерзости жизни, созданные пошлым, жадным мещанством. В основе своей искусство есть борьба за или против, равнодушного искусства – нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не «фиксирует» действительность, а или утверждает, или изменяет её, разрушает.

В эпоху культурного младенчества своего люди соревновались в желании наилучше украсить самих себя, впоследствии общество было разорвано на классы, труд стал рабским, подневольным, творчество – предметом купли-продажи, честное соревнование сменилось конкуренцией мастеров, вызванной борьбою за кусок хлеба, и конкуренция, увеличивая количество вещей «для господ», понизила качество вещей. Первоначальные, примитивные машины создавали рабочие люди для того, чтоб облегчить свой труд, – хозяева силою наёмников совершенствовали машины, чтоб увеличить прибыль свою. В руках хозяина машина стала врагом рабочих, в руках рабочего она – его заместитель, она экономит его силы, сокращает время работы.

Вот мы дожили до того, что видим: рост техники в капиталистических государствах, создавая миллионы безработных, устрашает мещан Европы, и они кричат: «Долой технику! Назад, к ручному труду!» Это призыв к прекращению роста культуры, призыв возвратиться к средневековым фор-

мам рабства. Это вопль агонии капитализма.

Свободному творчеству рабочего человека были поставлены неодолимые преграды. Но всегда были и дожили даже до наших дней дон-Кихоты, у которых не погасло древнее желание сделать во что бы то ни стало красивую, необыкновенную вещь. Таких людей немного, но всё же мне пришлось встретить не одни пяток таких в среде наших кустарей. Особенно хорошо помню вятича из слободы Кукарки. Я встретил его на пароходе между Казанью и Нижним, он ехал на Всероссийскую выставку 1896 года. Маленький, тощий, лысый, с чёрными глазами мыши и сердитым личиком в жёлтой трёпаной бороде, он ходил в растоптанных лаптях по палубе третьего класса и, осторожно оглядываясь, вполголоса предлагал пассажирам:

– Купите игрушечку!

Игрушечка была вырезана из корневища можжевельника, она изображала человека в шляпе, в брюках «навыпуск», человек стоял прижавшись плечом к дереву, держа в руках палку, лицо его было злобно раздуто, нижняя губа наполовину закушена зубами, рот искривлён. Лицо было сделано очень тонко, чётко, а тело вырезано только наполовину, другая как бы вросла в дерево, намечена небрежно, но в этой небрежности ясно было видно умение работать, вкус и знание анатомии. Фигурка была вершка четыре высотой. Он просил за неё два рубля. Ему издевательски предлагали «три пятака»,

двугривенный, он молча шёл дальше. Кто-то сказал вслед ему:

– Пустьяками занимаешься, старик.

– Да и плохо сделано, – прибавил другой пассажир.

У меня было рубля полтора, но я не хотел увеличивать обиду старика.

– Сам резал? – спросил я, он удивился и ответил вопросом:

– Ну, а как же?

Потом проворчал:

– Чужим не торгую.

Пошёл на корму, сел там в уголок нар, вынул из мешка корень, из кармана перочинный нож. Я сел рядом с ним, разговорились, и он показал мне ещё четыре фигуры: пузатого толстогубого мужика, с большой, апостольской бородой, босого, в рубахе без пояса, – мужик, глядя вверх, крестился, прижал руку к левому плечу, развесив губы, открыв зубастый рот; потом показал длинного монаха с большим носом и сладко прищуренными глазами, растрёпанную, простоволосую, ведьмоподобную старуху, – она кому-то грозила кулаком, – пьяного барина с дворянской фуражкой на затылке. Все пять фигур обладали одним и тем же свойством: все были убедительно уродливы. Я спросил: почему он, мастер, делает людей как будто насмешливо? Искося взглянув на меня, он ответил не без задора:

– Я натурально режу. Которых знаю, тех и режу. С три-

надцати лет занимаюсь, а мне, пожалуй, пятьдесят семь. Дурачком считаюсь, конечно. Однако это не в обиду мне, а на пользу: у нас дуракам жить не мешают.

Затем он сказал мне:

– Некоторые штучки делаю хуже супротив того, каковы они есть, а иные надоть резать получше всамделишных. Приятные делаю приятней, а которы не приятны мне, так я не боюсь охаять их пуще того, каковы они уроды.

Говорил он как бы неохотно, а искоса, из-под щетинистых бровей поглядывал на меня, проверяя: внимательно ли слушаю? Чувствуя, что он нуждается в слушателе, я легко добился, чтоб он рассказал мне горестную, полную унижений жизнь «крапивника», то есть подкидыша. Начал он её подпаском, потом служил солдатом нестроевой роты, заслужил полтора года дисциплинарного батальона, изредка работал в столярных мастерских.

– Однако неуживчив я с людьми, не даюсь ездить верхом на моём-то хребте.

Вообще, это была весьма обычная жизнь одиночки-артиста, одержимого страстью к творчеству, которое не находит ценителей.

Таких людей я видел не мало, и, вероятно, это они внушили мне уверенность, что пролетариат может создать своё искусство, свою культуру, даже находясь в плену буржуазии. Сколько талантливых людей бесплодно истратило оригинальные дарования свои на грошовый труд, притупляю-

щий разум, на труд ради нищенского куска хлеба! Были такие люди среди деревообделочников-кустарей Поволжья, среди оружейников кавказских племён, серебряников Великого Устюга, среди золотошвеек, кружевниц, в массе тех сотен тысяч рабочих и работниц, которые тратили жизнь на «художественную промышленность» для украшения жирного быта крупных и мелких лавочников. Можно ли было думать, что через иконопись, консервативнейшее ремесло наиболее консервативной области искусства – живописи, мастера Палеха и Мстеры придут к их современному отличному мастерству, которое вызывает восхищение даже в людях, избалованных услужливостью живописцев.

Я назвал живопись консервативным искусством потому, что она века служила и всё ещё угодливо служит по преимуществу интересам церкви, иллюстрируя её плачевные легенды, её иезуитскую мораль, проповедь терпения, кротости, неизбежности страдания, бессмысленного героизма мучений Христа ради. Служила – и служит – живопись увековечению в тысячах портретов царей, генералов, банкиров, кокотов, лавочников.

Организованная партией Ленина Октябрьская революция, вырвав рабочий класс и крестьянство из бесчеловечного плена капиталистов, предоставила всей массе трудового народа его естественное право свободного труда на себя и для себя. Результат этого подвига героев сказался в том, что за время менее двух десятков лет нищая, безграмотная, бес-

сильная, разбитая Россия царя, помещиков, фабрикантов, банкиров превратилась в могучую страну братских республик, – в страну, которую буржуазия всего мира ненавидит, но уважает, потому что боится.

Не менее убедительно отражается на детях результат победы революционного пролетариата, руководства партии и неутомимой работы всей массы населения республик Союза Социалистических Советов. С изумительной силой развёртывается массовая талантливость детей наших. Ежегодно выявляются сотни юных музыкантов, пианистов, изобретателей, стихотворцев и маленьких героев, которые смело вступают в борьбу с врагами и уже внушают стране обязанность увековечить монументами память о тех из них, которые погибли в борьбе с врагом.